

Истолкование гегелевской диалектики у раннего Маркузе

Савин А.Э., Институт философии РАН
savinae2018@gmail.com

Аннотация: Целью статьи является экспликация истоков тематизации и характера истолкования диалектики Гегеля в «хайдеггерианском марксизме» Герберта Маркузе. Работа базируется на его ранних произведениях, которые непосредственно посвящены гегелевской и марксовой диалектике: «К проблеме диалектики» (*Zum Problem der Dialektik* (1930, 1931)) и «Гегелевская онтология и теория историчности» (*Hegels Ontologie und die Theorie der Geschichtlichkeit* (1932)). Они рассматриваются в контексте его сочинений в целом. Эта тема актуализируется в связи с Маркузе-Ренессансом в западной философской мысли и общественно-политических дискуссиях 2000-х гг. В работе раскрываются мотивы обращения Маркузе к гегелевской диалектике: неудовлетворенность тенденциями истолкования диалектики в марксизме 1920-х гг., неогегельянскими трактовками диалектики и вызов диалектике со стороны хайдеггеровской «герменевтики фактичности». Раскрывается характер критики этих линий интерпретации Гербертом Маркузе. Демонстрируется основная новация маркузеанского подхода – фундирование диалектики на историчности бытия.

Ключевые слова: марксизм, диалектика, историчность, неогегельянство, Франкфуртская школа, Маркузе, Гегель, Хайдеггер

Целью статьи является экспликация истоков тематизации и характера истолкования диалектики Гегеля в «хайдеггерианском марксизме» Герберта Маркузе.

Работа базируется на его ранних произведениях, которые непосредственно посвящены гегелевской и марксовой диалектике: «К проблеме диалектики» (*Zum Problem der Dialektik* (1930, 1931)) и «Гегелевская онтология и теория историчности» (*Hegels Ontologie und die Theorie der Geschichtlichkeit* (1932)). Они рассматриваются в контексте его ранних сочинений в целом. Кроме того, принимаются во внимание более поздние работы Маркузе в этой области «Разум и революция. Гегель и становление социальной теории» (*Reason and Revolution* (1941)) и «Советский марксизм. Критический анализ» (*Soviet Marxism* (1958)), а также дискуссии о диалектике в советском марксизме 1920–30 годов.

Такое исследование представляется своевременным и логически необходимым как по причине начавшегося на Западе с начала 2000-х гг., но оставшегося незамеченным в России, возрождения интереса к наследию Маркузе (резкого роста числа книг, статей и конференций, посвященных мыслителю; повышения градуса дискуссий о его творчестве), так и по причине актуализации идей мыслителя на фоне кризиса существующего общественного порядка и, вместе с тем, кризиса критической общественной мысли, в том числе, в контексте так называемого «кризиса марксизма». (В скобках отмечу, что сам современный дискурс кризиса критической мысли вообще и

«кризиса марксизма» в частности мог бы стать весьма достойным – т.е. содержательным и увлекательным – предметом философского, в том числе, марксистского, анализа). Иначе говоря, идеи Маркузе становятся все более актуальными не только в научной среде, но и в общественных дискуссиях и теоретической полемике партийных интеллектуалов на Западе. Этот феномен в целом получил в современной западной историко-философской науке название «Маркузе-Ренессанса».

Примечательно, однако, что и в Holy Bible западной истории критической теории – книге Рольфа Виггерсхауса «Франкфуртская школа. История. Теоретическое развитие. Политическое значение» – в разделе, специально посвященном разработке франкфуртцами теории диалектики «Проект по диалектике (Dialektik-Projekt)», где кратко разбираются взгляды на нее всех представителей школы первого поколения в ранний период, (и даже нашлось место Эрнсту Блоху – мыслителю, который никогда не входил в состав Франкфуртского института социальных исследований и не печатался – причем в силу совершенно сознательной позиции директора Института Макса Хоркхаймера – в институтских изданиях), имя Маркузе вообще не упомянуто. [Wiggershaus R. Die Frankfurter Schule: Geschichte, theoretische Entwicklung, politische Bedeutung. – 2. Auflage. – Muenchen, Wien: Hanser, 1987. S. 202–217.]

Такое положение вещей неслучайно. Обуславливают его, на мой взгляд, два фактора.

Во-первых, ранние работы Маркузе, непосредственно посвященные теме диалектики, написаны им в период с 1928 по 1932 гг. С 1928 г. Маркузе являлся ассистентом Мартина Хайдеггера во Фрайбургском университете и был занят подготовкой диссертации. Переговоры с Хоркхаймером о сотрудничестве Маркузе с Франкфуртским институтом социальных исследований – ввиду явно вырисовывавшегося к тому моменту отсутствия академических перспектив у молодого философа, вызванного как идейными, так и политическими мотивами – будут начаты основателем феноменологической философии и бывшим заведующим фрайбургской кафедрой Эдмундом Гуссерлем, считавшим его талантливейшим молодым исследователем, лишь в 1932 г. Оказавшись сначала безуспешными, переговоры продолжатся в 1933 г. уже при дополнительном посредничестве сотрудника Института Лео Левенталя и достигнут цели. Между тем сотрудником Института Маркузе станет лишь в начале 1934 г., когда Институт социальных исследований уже будет работать в эмиграции в Женеве. Это означает, что сочинения Маркузе раннего периода – в число которых входят и его упомянутые работы по диалектике – не входят в круг сочинений представителей первого поколения раннего (доэмигрантского) периода Франкфуртской школы. Выражаясь кратко, «ранний» Маркузе – а этим термином традиционно обозначают его творчество 1928–1933 гг. – не принадлежит ранней Франкфуртской школе.

К этому свидетельствующему в пользу Виггерсхауса хронологическому соображению добавляется и содержательное.

Дело в том, что в период с 1928 по 1933 гг. мысль Маркузе находилась под определяющим влиянием Хайдеггера, хотя рецепция им хайдеггеровских идей была столь оригинальна, что дала начало новому философскому направлению –

развивающемся и в настоящее время «феноменологическому» или «хайдеггерианскому» марксизму. Иностранность истоков маркузеанской мысли иногда смутно ощущалась, а иногда и ясно осознавалась франкфуртцами первого поколения. Теодор Адорно, например, в предельно резкой форме возражал против принятия Маркузе в качестве сотрудника Института. В ставшем известном научной общественности совсем недавно письме Хоркхаймеру Адорно выдвигает против Маркузе убийственный аргумент, заявив, что тот стал бы нацистом, если бы не был евреем. Разумеется, Адорно подразумевает здесь не политическое и около политическое прошлое Маркузе – участника баррикадных боев Ноябрьской революции 1918–1919 гг. на стороне возглавляемого Карлом Либкнехтом Берлинского Совета и одного из организаторов (на базе небольшого букинистического магазина, которым он владел на паях с другом и в котором работал), полубогемного берлинского литературного салона, собиравшего левых интеллектуалов в первой половине 1920-х гг. – а его хайдеггерианскую философскую выучку и выросшие из нее темы его ранних сочинений: судьбы, решимости, ниспадения, подлинности, а также способы их разработки. Все то, что Адорно подвергнет впоследствии уничтожающей и уничижительной критике в своем «Жаргоне подлинности».

Отторгая иностранное, ученик Адорно Виггерсхаус здесь инстинктивно следует линии учителя. И дело здесь, конечно не в особенностях позиций Адорно или Виггерсхауса, а в том представлении Франкфуртской школы о своих концептуальных и методологических основаниях, через призму которого ее представители и продолжатели смотрят на свою философскую практику и осуществляют селекцию и эксклюзию.

Во-вторых, фактором, обусловившим недостаток внимания к теме диалектики у раннего Маркузе стало то обстоятельство, что разработка ее в 1928–1931 гг. осуществляется преимущественно в рецензиях, сама форма которых выполняет работу сокрытия самостоятельности, глубины и оригинальности мысли философа, если таковые имеют место в них. Случай раннего Маркузе – особый, поскольку обе части статьи-рецензии «К проблеме диалектики» являют собой образцы самостоятельного философского творчества и, как я попытаюсь показать, пролагают новые пути в понимании диалектики и открывают новые возможности для философствования как такового.

Более того, на мой взгляд, разработка идеи диалектики вообще и осмысление ее гегелевской идеалистической версии ранним Маркузе, в частности, входят не только в предысторию, но – вследствие истории их воздействий (*Wirkungsgeschichte*) – и в историю Франкфуртской школы. Рассмотрим это подробнее.

Первая развернутая тематическая разработка Маркузе темы диалектики, как уже было указано, осуществляется им в форме рецензий. Это были рецензии на монографию Зигфрида Марка «Диалектика в современной философии», первый полутом которой вышел в Тюбингене в 1929 г., второй – в 1931. Зигфрид Марк был крупным немецким неогегельянцем, принадлежавшим – наряду с А. Либертом и Й. Коном – направлению в немецком неогегельянстве, именуемому в историко-философской науке «критической диалектикой». Это направление стремилось соединить кантовскую критическую философию и гегелевскую диалектику – отсюда и

именование направления – и, в частности, объединить гегелевское учение о противоречиях с кантовской идеей антиномий разума. Эта тенденция вела к ограничению притязаний разума на абсолютное, а, следовательно, и ограничению диалектической работы разума, как она понимается в гегелевском абсолютном идеализме. В частности, З. Марк, в этой связи переосмысливает гегелевскую идею снятия противоречий через обострение борьбы противоположностей и уничтожение одной из них – революционной идеи Гегеля, которая найдет продолжение и развитие у Маркса и Мао.

Маркузе выделяет три основных момента в гегелевском «спекулятивном» понятии диалектики неприемлемых для «критической диалектики» З. Марка.

««1. Слияние без остатка сознания и предмета», и тем самым также определение «субстанции как субъекта» и превращение предмета в «процесс», посредством которого [процесса] его структура становится тождественной структуре Я (сознания);

2. «восхождение от конечного сознания к бесконечному», «снятие конечного духа в бесконечном духе» (центральное для Гегеля понятие абсолютного);

3. «снимающая» (уничтожающая) сила негативного, особенно снимающая (aufhebende) сила человеческого Я, самосознания». [Marcuse H. Zum Problem der Dialektik II. In: H. Marcuse. Schriften. – Bd. I. – 1. Auflage. – Frankfurt a.M. Suhrkamp.1978. S. 424.].

Согласно Маркузе, эти моменты гегелевской философии взаимосвязаны и их устранение действительно ведет к подрыву фундамента гегелевской диалектики. Вместе с тем он демонстрирует, что «критическая диалектика» именно там, где она ограничивает гегелевскую «спекулятивную» диалектику и приходит к своим позитивным определениям, опирается на последнюю и лишь оттеняет выявляет ее смысл.

Меж тем, позиционирование в отношении такого направления в неогегельянстве как «критическая диалектика» и реакция на новейшие публикации этого направления отнюдь не являются для Маркузе определяющим мотивом для обращения к диалектике вообще и гегелевской диалектике, в частности. Новые публикации З. Марка лишь повод для него высказать свои соображения публично.

Мне представляется, что у тематизации и проблематизации диалектики «ранним» Маркузе есть три источника.

Первый источник – это неприемлемая для Маркузе тенденция к натурализации диалектики и ее трансформации в формальную систему мышления в марксизме того времени.

Развитие советского марксизма 1920-х годов – в этот период по понятным причинам (событие Октября и победа руководившейся марксизмом коммунистической партии в гражданской войне и в борьбе против интервенции) задававшего генеральную линию развития марксизма вообще – определяется дискуссией механистов и диалектиков. Механисты сводили материализм к объяснению мира посредством механической причинности. С их точки зрения, чем больше естественнонаучного объяснения мира, в том числе сознания и истории, тем больше материализма и марксизма. Соответственно, диалектику механисты рассматривали либо как «остатки гегелевского схематизма», и потому предлагали

избавиться от нее, либо трактовали ее, наряду с теоретиками Второго Интернационала, как «принцип всеобщей эволюции».

Механистам противостояли диалектики во главе с Дебориным. Деборин отстаивал идею непосредственной связи гегелевской философии и марксизма и защищал диалектику от сведения ее к эволюционизму. Однако, будучи учеником Плеханова, он трактовал исторический материализм и диалектику как методологию познания. В 1929 году диалектики победили механицистов.

В 1931 «деборинская школа» была разгромлена по прямому указанию Сталина. Ученики Деборина были репрессированы, самому Деборину Сталин лично запретил говорить и писать о философии. Несмотря на это, деборинская трактовка диалектики как методологии сохранилась, и, строго логически, привела к сталинистскому диамату.

Опасность трактовки диалектики как методологии была ясна Маркузе еще в 1930 году.

«Словом и понятием диалектики в новейшей философии, а также в марксистской теории и практике столь злоупотребляли, что стала неизбежной попытка вновь осмыслить начало (Ursprung) диалектики. Философия, как кажется, видит в философии панацею, посредством которой она может избежать беспомощного замешательства и безжизненности, в которые она сама себя завела. Она понимает диалектику как-то неопределенно как необходимость противоречий, напряжений и движений (Beweglichkeiten) отчасти в самом познании, отчасти между познанием и действительностью, Я и миром, Я и ценностью, отчасти в самой действительности. Так рассчитывают суметь избежать однозначных решений: все можно поместить в такую «диалектическую систему» и все может оставаться в подвешенном состоянии. – Подобным же образом обходятся с диалектикой и в марксизме. Для одних она является «лишь исторически обусловленным» остатком застывшей гегельянщины, и может поэтому без вреда и даже с пользой быть удалена из марксистской теории и практики; для других – она является сущностной составляющей марксизма, но – и это является решающим – то, что у Маркса было смыслом и сущностью самого исторического движения, превращается теперь в его оковы: посредством дурной диалектики можно оправдать любую ошибку, определять любое отступление как необходимый момент диалектического движения, так что в итоге выходит то же, что в буржуазной философии: избегание решений». [Marcuse H. Zum Problem der Dialektik I. In: H. Marcuse. Schriften. – Bd. I. – 1. Auflage. – Frankfurt a.M. Suhrkamp. 1978. S. 409–410.]

Логике становления диамата Маркузе демонстрирует позднее в своей книге «Советский марксизм». Он указывает, что ни Гегель ни Маркс не развивали диалектику как общую методологическую схему. Став мировоззрением и универсальным методом, диалектика кодифицируется в философскую систему и инструментализируется. Тем самым она превращается из способа критической мысли в форму ее подавления, поддержания наличной действительности и способ легитимации ложной тотальности.

Вторым источником является неогегельянский вызов диалектике, связанный с публикацией *Theologische Jugendschriften* (1907) Гегеля. Его опасность была двоякой. С одной стороны, это дильтеевский тезис в *Jugendgeschichte Hegels* (1905), что чем больше диалектики, тем меньше историчности, а, следовательно, только молодой, до-диалектический Гегель есть подлинный Гегель. С другой стороны, это

иррационалистические (см., например, дильтеевскую интерпретацию гегелевской философии как мистического пантеизма и его истолкование гегелевского пути к полноте и целостности жизни как интуиции (*Anschauung*) в противоположность разлагающему воздействию понятия и рефлексии) и фашистские тенденции неогегельянства, базирующиеся на трактовке гегелевского *Der Geist des Judentums* и его концепции бытия как жизни.

Третьим источником является хайдеггеровская критика диалектики как системы и его критический анализ исторического сознания в *Ontologie. Hermeneutik der Faktizitaet* (1923) и разработка историчности в *Der Begriff der Zeit* (1924) и *Sein und Zeit* (1927). Согласно Хайдеггеру и гегелевская диалектика и представленное физиогномией истории Шпенглера историческое сознание базируются на господстве теоретической установки и созерцании, и потому упускают бытие-в-мире и историчность. Эта хайдеггеровская критика была вызовом. Она ставила под угрозу важнейшую для «раннего» Маркузе лукачистскую сцепку история-диалектика-классовое сознание.

Поэтому Маркузе стремится постичь начало диалектики и – вследствие проблемы совместимости диалектичности и историчности – философию Гегеля. Маркузе решает эту проблему следующим образом. Согласно ему не историчность бытия базируется на его диалектичности – точка зрения, считавшаяся почти само собой разумеющейся у марксистов того времени – а, напротив, диалектичность базируется на историчности.

Маркузе согласен с Дильтеем, что в ходе движения гегелевской мысли идея историчности бытия, которая находит свое предельное выражение в *Der Geist des Christentums*, подавляется. Но она подавляется – и в этом решающее отличие Маркузе от Дильтея – не растущей диалектичностью гегелевской мысли, а ее растущим идеализмом, т.е. трактовкой жизни сначала как духа, а затем как идеи.

Диалектика, по мнению Маркузе, есть подлинная манифестация историчности бытия, выражающая в чистом виде его подвижность (*Bewegtheit*). Сущее при этом трактуется как вытекающее из жизни значение. Согласно Маркузе, отправным пунктом раскрытия подвижности и историчности бытия является у Гегеля анализ жизни. Сущность жизни у раннего Гегеля выражается формулой «равенство себе в инобытии» («*Selbstgleichheit im Anderssein*»). Эту формулу, как «принцип тождества тождества и нетождества» («*Identitaet der Identitaet und Nichtidentitaet*») – тождества предмета и сознания, общего и особенного, целого и части – современный немецкий историк философии Шнедельбах (H. Schnaedelbach) обозначает как «основную спекулятивную фигуру» гегелевской философии в целом. С точки зрения Маркузе эта формула выражает основной смысл (*Grundsinn*) диалектики, поскольку она демонстрирует единство способа бытия предмета и сознания – их подвижность.

Он пишет: «Событие жизни (*Geschehen des Lebens*) обладает внутренней направленностью (*Sinn*) – открыть и постичь этот мир как «ее» мир [т.е. как мир жизни]», понять (*begreifen*) его и овладеть им как ее всякий раз (*jeweils*) «случайным», в большей или меньшей степени соответствующим ее возможностям наличным бытием, и тем самым ее собственным «инобытием». [Marcuse H. *Heideggerian Marxism*. Lincoln & London; Nebraska UP. 2005. P. 73. German: S. 429]. Очевидно, что в этом описании жизни ее основной чертой является историчность в хайдеггеровском смысле, т.е. ее

фактичность, проективность и ниспровергающий отклик (*Widerruf*) на традицию и ее неявное господство. Вместе с тем, это описание демонстрирует активность сознания и его характер всеобщего средства трансформации жизни.

В этой связи диалектичность жизни выражается в понятии снятия как конкретного отрицания наличного существования. Снятие осуществляется на основе осознания своего положения в мире как конкретного, т.е. фактического существа, (принадлежащего своему поколению и своему классу) и вытекающего из него революционно-практического преобразования мира.

С моей точки зрения, горизонт такой трактовки отношения диалектики и историчности, двояк. С одной стороны, это интерпретация гегелевской критики иудаизма в «*Der Geist des Judentums*». Гегель критикует иудаизм как разложение жизни, и раскрывает исток иудейского способа жизни в разрушении единства с жизнью и разрыве иудея (и его народа) с природой, другими людьми и самим собой. Маркузе трактует эту критику иудаизма как критику отчуждения как такового. Эта трактовка гегелевской критики иудаизма позволяет реактивировать понятие жизни как отправного пункта для истолкования историчности и диалектики, противостоять иррационалистическим и фашистским тенденциям неогегельянства, и, наконец, эксплицировать базовый формальный принцип диалектики «равенство с самим собой в инобытии».

С другой стороны, это осуществленная еще в его самой ранней статье «К феноменологии исторического материализма» (1928) критика хайдеггеровского понятия историчности. Она выполняется посредством радикализации его трактовки пространственности *Dasein* – т.е. автоматического и анонимного движения *Dasein* по взаимосвязям отсылок (*Verweisungszusammenhang*) – как зависимого от его окружающего мира (*Umwelt*) и, следовательно, ограниченного его жизненным пространством (*Lebensraum*). Эта критика приводит к интерпретации этого способа движения как труда, *Dasein* как класса и к феноменологической реабилитации политической борьбы как сферы подлинного в свете понятия историчности.

Обе эти линии выливаются в трактовку существа диалектики как конкретного отрицания или снятия (*Aufhebung*) и отождествления снятия с ниспровергающим откликом (*Widerruf*).

По моему мнению, это отождествление ниспровергающего отклика со снятием и есть, в конечном счете, маркузеанское решение проблемы отношения историчности и диалектичности бытия и базис для его интерпретации диалектики как таковой.

Таким образом, сущность маркузеанской интерпретации гегелевской диалектики состоит в раскрытии ее корней в историчности бытия. Цель этой интерпретации – в негативном аспекте – вскрыть источники иррационалистических, идеалистических и натуралистических тенденций в интерпретации диалектики и воспрепятствовать этим тенденциям; в позитивном – развить материалистическое понимание диалектики, возможность для которой он вскрывает у гегелевской идеалистической диалектике посредством ее феноменологической деструкции.

Соответственно, лишь после этой предварительной работы начинается маркузеанское истолкование марксовской диалектики.

Литература/References

- Marcuse H. Heideggerian Marxism. Lincoln & London; Nebraska UP. 2005.
Marcuse H. Schriften. – Bd. I. – 1. Auflage. – Frankfurt a.M. Suhrkamp. 1978.
Wiggershaus R. Die Frankfurter Schule: Geschichte, theoretische Entwicklung, politische Bedeutung. – 2. Auflage. – Muenchen, Wien: Hanser, 1987.
-

Interpretation of the Hegelian dialectics in the early Marcuse

Savin A.E., Institute of Philosophy RAS

Abstract: The purpose of the article is to explicate the origins of the thematization and nature of the interpretation of Hegel's dialectics in Herbert Marcuse's Heideggerian Marxism. The article is based on his early works, which are directly devoted to the Hegelian and Marxian dialectics: "On the problem of dialectics" (Zum Problem der Dialektik (1930, 1931)) and "Hegel's Ontology and Theory of Historicity" (Hegels Ontologie und die Theorie der Geschichtlichkeit (1932)). They are considered in the context of his writings as a whole. This topic is updated in connection with the Marcuse-Renaissance in Western philosophical thought and socio-political discussions of the 2000s. The paper reveals the motives for addressing Marcuse to the Hegelian dialectics: dissatisfaction with the tendencies of interpretation of dialectics in Marxism of the 1920s, neo-Hegelian interpretations of dialectics and the challenge of dialectics from Heidegger's "hermeneutics of facticity". The nature of the criticism of these lines of interpretation by Herbert Marcuse is revealed. The main innovation of the Marcusean approach – the foundation of the dialectics on the historicity of being – is demonstrated.

Keywords: Marxism, dialectics, historicity, Neo-Hegelianism, Frankfurt School, Marcuse, Hegel, Heidegger